

Александр Адерихин

Танцы под радиолло

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Адерихин
Танцы под радиолло

«Автор»

2026

Адерихин А.

Танцы под радиолло / А. Адерихин — «Автор», 2026

Голодные послевоенные годы, руины Восточной Пруссии и... слухи о начале Третьей мировой войны, атаковавшие новую советскую территорию. В основе книги - реальная история расследования, материалы которого сегодня хранятся в Государственном архиве Калининградской области.

© Адерихин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александр Адерихин

Танцы под радиолло

Глава

Третья мировая война областного масштаба или Танцы под радиолло

Игра в правду

В 1947 году в Калининградской области действительно разразилась Третья мировая война. К счастью, шла она только в головах жителей трофейной советской территории. Тем не менее, последствия придуманной мировой войны областного масштаба были настолько серьёзны, что местный обком ВКП(б) провёл своё подробное расследование, изучив, как родился слух о войне и как он распространялся. Материалы этого расследования сегодня хранятся в фондах Государственного архива Калининградской области. Именно там на них и наткнулся автор.

Практически все эпизоды, описываемые автором, имели место в действительности. Правда, в разное время и с разными, никак не связанными друг с другом людьми. Даже история трёх лилипутов, единственных оставшихся вне подозрения Госбезопасности — правда.

Памятник коню Темпельхютеру до сих пор стоит в Музее Коневодства при Тимирязевской сельскохозяйственной академии в Москве. Эпизод в гостинице №1 нагло содран автором, вплоть до диалогов, из фельетона в газете «Калининградская правда» за 1947 год. Это всё правда, как и многое другое в этой книжке. Для того, чтобы герои этой истории говорили так, как они говорили в то время, автор провёл немало часов в архивных фондах, изучая протоколы собраний, письма, воспоминания и официальную переписку.

Автор всего лишь придумал никогда не существовавших персонажей, которых бросил в кипящий бульон из собственной фантазии и исторической реальности. В результате получилось что-то, чего не было в действительности, но что отражает дух того потрясающего времени, как его почувствовал автор.

Добро пожаловать или Да не была она беременной

Главный редактор посмотрел на портрет Сталина за своей спиной, одёрнул полы серо-зелёного пиджака с набивными плечами.

- Ты пойми, Александр Сергеевич, - перейдя на шёпот сказал он Подпаскову, - это — непотопляемый советский авианосец у самых берегов империализма, сталинский стальной штык, направленный прямо в подбрюшье гнивающей империалистической Европы...

Главред покормил рыбок в аквариуме и снова одёрнул полы пиджака: «А на палубе этого могучего авианосца окопались гниды ползучие... Пятна ржавчины появились на крепком стальном штыке...».

Подпасков положил ногу на ногу. Ему показалось, что так легче терпеть позыв к мочеиспусканию.

- Мы долго терпели! Но сегодня в городах и сёлах, - Главред прошёлся по кабинету, остановился у статуи чугунного сталевара, пристально посмотрел статуе в глаза, - развиваются красные стяги — символы величия и могущества советского государства. Нет больше Восточной Пруссии, этого плацдарма разбойничьих набегов на славянские земли, на нашу Родину!

Подпасков и поменял ноги и подумал: «Нет, не дотерплю».

Он вспомнил, как совсем недавно, на Первомай, главный редактор демократично зашёл в их кабинет, поздравить отдел писем с праздником. Главред уже был не трезв. Он сел рядом с Подпасковым, которого спьяну назвал платиновым боевым пером советской журналистики. Они здорово набрались. Главред разоткровенничался. Он стал вспоминать, как редактировал дивизионную газету в Первой конной. Он со смехом рассказал, как своими руками расстрелял прикомандированного к газете «спеца» - литсотрудника, учителя какой-то сельской школы, за три допущенные на первой странице опечатки.

- Жалко, что сейчас так нельзя, - смеялся главный редактор, - был бы полный порядок в газете.

Главред достал из кармана модного, с плечами, пиджака клетчатый носовой платок, протёр нос чугунному сталевару и глядя в его пустые чугунные глаза, сказал: «Ситуация очень серьёзная».

По ковровой дорожке он подошёл к сидящему в кресле напряжённому Подпаскову. Опять одёрнул полы. Подпаскову показалось, что в кармане пиджака редактора что-то зашевелилось: «Нет, не дотерпишь...».

- Представляешь, Александр Сергеевич, - Завотписем снова заговорил шёпотом, - среди местных товарищей выявлены отдельные серьёзные недостатки в большом количестве. Укрепляются среди переселенцев слухи. Слухи эти особо вредные. Количество «обратников» возросло втрое. Бегут некоторые несознательные переселенцы, отправленные партией осваивать новую советскую землю, бегут обратно на Родину. А такого позорного явления, сам понимаешь, мы допустить не можем. Надо дать решительный отпор отсталым настроениям. Поэтому поезжай, в этот Кёнигсберг, мать его. Напиши об этом статью. Помнишь, как ты с фронта про дезертиров писал? Вот также и здесь надо. Со всей своей журналистской ершистостью, как ты умеешь...

«А может и дотерплю», - Подпасков снова поменял ноги.

Главред присел на стол, положил руку на шевелящийся и рычащий карман: «Важная задача, поставленная перед тобой партией».

«Нет, не дотерплю», - Подпасков напрягся.

Подпасков посмотрел на портрет Сталина. Крамольная мысль родилась там, где у Подпаскова всегда зарождались мысли, за которые ему было потом стыдно — в животе, где-то чуть выше пупка. Он представил, как во время Курской битвы у Сталина идёт важное совещание. На важном совещании Сталину нужно принять важное решение, куда двигать полки и дивизии. Генералы сидят, маршалы. Ждут. А Сталину надо пописать. Терпеть сил никаких нет. И вот он идёт и писает. А пока он писает, сотни людей умирают.

«Надо бы завязать с водкой», - подумал про себя Подпасков.

- Ты мне всю цепочку проследи. Изучи, как эти самые слухи живут. Кто их, мать их, рождает, как они в головах советских людей устраиваются, как мозг им сжирают, как из башки в башку переползают, чем кормятся, чем в галюн ходят... - Главред говорил о слухах, как о живых.

- Внимательно изучи, Александр Сергеевич. Сегодня эти слухи работают против Советского Союза, а завтра мы им сами работу найдём.... Понял? Работать будешь вместе с товарищами из МВД. Ну иди, оформляй командировку... Вижу, ерзаешь весь. Не терпится?

- Не терпится. - честно сказал выскочивший из кресла Подпсков. Он пожал редактору руку, торопливо пошёл к выходу.

- Заткнись, сука! - вдруг заорал за его спиной редактор и с силой стал лупить себя по боковому карману пиджака. В кармане что-то визжало, гавкало, пищало.

Испуганные рыбки в аквариуме заматались от стены до стены. Из кармана редакторского пиджака выпрыгнула маленькая собачка. У собачки была голова Гитлера. Таких гитлеров-собачек Подпсков видел на карикатурах Кукрыниксов в «Правде». Собака-Гитлер больно схватила Подпаскова за ногу, порвав штанину.

- Гитля!- заорал главный редактор, - быстро на место!

Гитля ещё сильнее сжал челюсти. В дальнем углу кабинета ожил чугунный сталевар. Размахивая своим металлическим «посохом», он пошёл на маленького Гитлю, случайно разбив аквариум. Вода вместе с рыбками плюхнулась на паркет. Размахнувшись, сталевар заорал: «В голову и в хвост!».

-Товарищ, товарищ...

Кто-то тряс Подпаскова за плечо. Поезд стоял. За окном вагона топали сапоги бегущих солдат, невидимых в темноте. Прямо под окном военный в зелёной фуражке орал: «Пулемёты в голову и в хвост поезда, что непонятно, Побегайло?!»

- Приснилось что? Кричали... Сильно кричали... Ногой дрыгали, об дверь ударились... Приснилось что?

Попутчик Подпаскова, рыжий мальчишка в форме лейтенанта — лётчика ласково подвинул стакан с чаем. В стакане мелодично звякнула чайная ложка. От звона ложки Подпаскову ещё больше захотелось в сортир.

- Где это мы? - спросил он, ещё не проснувшийся.

- В Белоруссии, на границе. - ответил жизнерадостный мальчишка-лётчик, - сейчас в Литву въедем. Тут проводник приходил. Говорил, что бы окна и двери закрыли и не открывали никому, пока до этого, как его... Эйткунена не доедем. Ну и если есть тяжёлое что, чтобы под рукой держали.

Мальчишка-лётчик пододвинул к себе портупею с кобурой.

- Такой он, - жизнерадостно подытожил мальчишка, - поезд «пятьсот весёлый» Москва — Калининград.

«Пятьсот весёлый» медленно покати́лся в темноту. Подпасков вышел в коридор. Проводник закрывал окна и опускал брезентовые шторы.

- Вы бы, товарищ, не выходили из купе...

- Туалет откройте, - приказал проводнику Подпасков.

- А это мы с пониманием, - засуетился проводник, перебирая связку с ключами и провожая Подпаскова к туалету.

Подпасков облегчился. Нажал на слив. В открывшуюся чёрную дыру вагонного унитаза влетела вонь креозота. Подпаскову стало страшно.

- Не задерживайтесь, товарищ, - проводник вежливо постучал в дверь туалета.

Подпасков вышел. Проводник закрыл за ним дверь на ключ. Подпасков порылся в карманах, нашёл папиросы, вставил одну в рот. Спичек не было. Проводник уже ушёл. В тамбуре кто-то засмеялся. Подпасков нажал на ручку тамбурной двери.

Их было трое. Двое мальчишек в гимнастёрках учеников ремесленного училища и совсем ещё девчонка. Один из мальчишек — толстый, выставил голый зад в открытое окно. Второй, блондин с тонкими одухотворёнными чертами лица и с серыми кругами под глазами, громко смеялся над шуткой друга. Девушка смущённо фыркала. Она была месяце на восьмом - бере-

менности. Увидев Подпаскова толстый хихикая натянул штаны: «Показали лабусам русский характер!»

«Голый зад ты, идиот, темноте показал, а не русский характер!» - подумал про себя Подпасков и попросил у одухотворённого прикурить.

- Конечно, товарищ. - жизнерадостно откликнулся одухотворённый и чиркнул зажигалкой.

Подпасков выпустил струю дыма в сторону от беременной девчонки: «Вы бы, милая, не стояли здесь, курят... Для ребёночка плохо...».

- Конечно, товарищ. - также жизнерадостно откликнулся одухотворённый. Подпасков почувствовал в этом повторяющимся «конечно, товарищ» издёвку.

- Пойдём, милая, - Одухотворённый взял девушку за расплывшуюся талию.

- Конечно, товарищ. - звонко ответила одухотворённому беременная. Троица удалилась в пристыкованный к купейному общий вагон.

При подъезде к Калининграду по поезду прошли пограничники с собаками. Они проверяли у пассажиров разрешения на въезд в запретную зону. Прочитав в разрешении Подпаскова его фамилию и название газеты, немолодой капитан встал по стойке смирно и с улыбкой отдал честь: «Читаем, читаем...».

- Да будет вам! - Подпасков замахал на лейтенанта руками, покраснел, глупо улыбнулся.

- Подъезжаем! - объявил идущий по коридору проводник, - Калининград-Южный!

Подпасков посмотрел в окно. За окном то, что когда-то было городом. Сейчас это были руины до самого горизонта. Иногда поезд пересекал узкие дороги, проложенные среди завалов. Дороги были забиты людьми, прижимавшимся к развалинам, когда мимо проезжали машины. Проехав мост над рекой, поезд резко сбавил ход. Машинист дал длинный гудок. Состав шёл в опасной близости от группы немецких пленных, разбиравших завал вдоль железнодорожного полотна. Немцы прекратили работу, чтобы пропустить состав. Они стояли так близко к вагону, что Подпасков из окна мог бы дотянуться до них рукой. Подпасков видел их лица. Усталые, худые, серые или красные от кирпичной пыли, грустные, пустые, напряжённые, небритые...

Мальчишка-лётчик, не успевший повоевать, с детским восторгом рассматривал пленных.

- Первый раз их вижу живьём, - жизнерадостно сообщил он Подпаскову, - до этого — только в кино и в газетах!

Длинный немец, серый от недоедания и пыли, осторожно помахал Подпаскову и мальчишке-лётчику рукой.

Подпасков не ответил на этот жест. Ему было всё равно. Немец не вызывал у него никаких эмоций. В отличие от мальчишки-лётчика, который помахал рукой немцу в ответ. Немец улыбнулся и развёл руками, словно говоря: Вот оно всё как вышло...

- Смотрите, - радостно сказал Подпаскову мальчишка-лётчик, - рукой мне машет.

Подпасков вспомнил, как в Московском зоопарке, куда они пришёл на репортаж, шестилетний мальчишка, показывая на кланяющегося посетителям слона, закричал: «Смотрите, он хоботом со мной здоровается!»

Подпасков вышел в коридор. Постоял у вагонного окна. Над поездом висела странное облако. Оно было похоже на гигантское насекомое. Шесть неправильных ватных ног - щупалец нависли над в ужасе убегающим от него поездом. У облака была белая спина и чёрное, отвисшее брюхо, в котором бурлили молнии. В этом брюхе и должен был оказаться целый поезд со всеми своими пассажирами. Если не убежит. Подпасков передёрнул плечами.

Облако с отвисшим брюхом выплыло из его детства. Подпасков хорошо помнил, как на подмосковной даче он, маленький, только что проснувшись от послеобеденного сна, выбежал из дощатого домика, арендованного отцом на лето. Маленький Подпасков увидел, что на улице всё стало серым, а прямо над ним висит огромное облако с отвисшим чёрным брюхом и шестью

ватными неправильными лапами. Маленький Подпасков испугался, что облако его съест. Он заплакал. Мать бросилась его утешать. Когда маленький Подпасков сквозь слёзы рассказал маме, что облако сейчас их всех съест, взрослые долго смеялись. История с облаком стала семейной легендой. Она регулярно рассказывалась за праздничным столом, за которым собиралась вся семья. В ритуал оглашения семейной легенды входил смех: «Надо же, облака испугался!» Подпасков улыбался вместе со всеми. При этом внутри его неприятно начинал ворочаться тот куда не ушедший детский страх от того, что облако их сейчас всех съест.

Подпасков отошёл от вагонного окна, повернулся к облаку спиной. Ему показалось, что облако с чёрным брюхом смотрит своими мохнатыми выпуклыми глазами прямо ему в затылок. Подпасков пошёл по коридору.

В своём купе говорливый проводник считал подстаканники. Увидев Подпаскова, он послунывил химический карандаш, сделал пометку на обрывке газеты. Это была газета, в которой работал Подпасков. На обороте, на другой странице смятой газеты с жирными пятнами, был напечатан его политический фельетон про разбойничьи нравы американского империализма.

- Ну в этот раз не сильно опоздали, - извиняясь сказал проводник, - всего-то на четыре часа... Хотя вот прошлый раз почти по расписанию пришли, а комендатура восемь часов из вагонов выходить не давала. Ни попить, ни поссать.... Каких-то власовцев в развалках доби-вали. Жуть. Стрельба, как на фронте...

Подпасков ещё раз вспомнил свой кабинет, который делил со своим смертельным врагом старшим корреспондентом Шубиным. Свой стол, свои карандаши, журналы учёта поступивших в редакцию писем, пресс-папье, подаренное китайскими товарищами во время командировки в Китай. Подпаскову стало грустно. Он уже боялся этого города, ошетилившегося загнутой арматурой, торчащей во все стороны из развалин.

Главный городской вокзал, выжженный огнёмётчиками 11-гвардейской армии во время штурма, не использовался. Пассажирские поезда останавливались на бывшей сортировочной. Где-то играл оркестр. Ветер доносил запах гари и обрывки приветственной речи. Подпасков прислушался к долетающим до него словам, смог разобрать: «Замычали коровы, закудахтали куры, заблеяли овцы на новой советской территории...».

Подпаскова должны были встретить «местные товарищи». Выйдя из вагона он сразу их увидел. Невысокий широкоплечий мужчина лет тридцати, с поломанным когда-то носом, в широких, по моде чёрных брюках, гимнастёрке, перетянутой офицерским ремнём, в матерчатом плаще и твидовой кепке на непропорционально большой голове, внимательно разглядывал всех выходящих из вагона. Рядом - два милиционера в форме. На плече одного из них, длинного, худого, нескладного, безжизненно повис автомат ППШ. Подпасков не вызвал у встречающих никакой реакции.

Он остановился недалёко от троицы, закурил папиросу. Проводник стал закрывать за последним пассажиром дверь вагона. Большеголовый, волнуясь и суетясь, бросился к вагону.

Подпасков встал у него на пути: «Товарищ, я Подпасков. Вы не меня встречаете?»

Большая голова в кепке испуганно дёрнулась, уставилась в мятую бумажку в своих руках, потом смирла Подпаскова с ног до головы. Человек в кепке громко сглотнул слюну.

- Товарищ Подпасков? - местный с большой головой с поломанным носом виновато заулыбался. В верхней челюсти у него не было трёх боковых зубов.

- А мне ваш коллега вас совсем по-другому описал. - большая голова в кепке наклонилась влево.

Подпасков протянул встречающему все свои документы. Тот уважительно принял их обеими руками. Сверил все фотографии на всех документах.

Подпасков начал понимать. Это было совсем в духе непревзойдённого мастера интриг и мелких гадостей Шубина, которому Подпасков постоянно проигрывал. Шубин, бывший горный инженер с плохим желудком и знанием трёх языков, специально мог описать в телефонном разговоре Подпаскова так, что вроде это он, Подпасков, но узнать его будет трудно. На такие гадости у Шубина был талант. Злость и раздражение где-то в животе Подпаскова начали закручиваться в спираль. Затем, не уместаясь в кишках и желудке, они долезли до грудной клетки, пытаясь разжать рёбра изнутри.

Подпасков вспомнил, как старший корреспондент Шубин унизительно «замкнул» на него нудного больного гражданина из Улан — Удэ. Фамилия гражданина — Назаров. Гражданин писал в редакцию и другие инстанции длинные письма с просьбой запретить писать букву «р» в сокращённом обозначении слова «килограмм». Вся страна спокойно писала и «кг», и «кгр». В письмах, официальных документах, газетах, книгах. Это никому не мешало. Кроме сумасшедшего Назарова из Улан-Удэ. Бывший коррективщик артиллерийского полка, награждённый орденом и медалями, Назаров методично обстреливал организации и ведомства письмами, в которых он боролся против своего кровного врага — буквы «р» в сокращении «кгр».

В своих длинных письмах бывший коррективщик приводил весомые аргументы: подсчитывал количество чернил, бумаги и времени, которые советские люди тратят за год, выписывая лишнюю букву «р».

Подпасков вёл с ним обстоятельную переписку. Он боялся, что Шубин напишет на него донос. Переписка по поводу отмены буквы «р» в сокращении «кгр» породила массу дурацких шуток. Например, Зиночка, машинистка отдела патриотического воспитания, как-то во время обеда сказала: «Ещё каких-нибудь 20 писем от этого сумасшедшего, и наши потомки будут писать только «кг», а не «кгр»...

- Извините, товарищ Подпасков, - встречающий протянул ему документы, - дурацкая какая-то ошибка вышла. Видимо, секретарша неправильно записала...

Встречающий снова виновато улыбнулся и представился: «Капитан Семейкин, городское управление МВД». Семейкин пытался взять у Подпаскова пузатый командировочный портфель. Но Подпасков его резко осадил: «Это что ещё за барство!». Злой на Шубина, он решил поставить капитана на место.

Они двинулись к выходу. Народ, увидев важную фигуру в сопровождении милиционеров, уступал им дорогу. Рядом с ними шла семья, только что приехавшие переселенцы. Вспотевший отец семейства тащил огромный самодельный фанерный чемодан, покрашенный в коричневый цвет. Его супруга, нагруженная двумя вещмешками, старалась от него не отставать. Мальчишка — сынок в тубетейке важно шёл впереди. За спиной у него болтался рюкзачок. Из кармана рюкзачка удивлённо смотрел на развалины плюшевый медвежонок с оторванным ухом. К груди мальчишка прижимал живую кошку.

- Откудова вы её? - длинный нескладный милиционер с ППШ на плече ласково погладил напряжённо выгнувшую спину кошку.

- Мы из Саранска, - важно ответил мальчишка. Было видно, что он не первый раз отвечает на этот вопрос, - Дусю везём, потому что папа сказал, что её обязательно надо будет первой в новую квартиру пустить.

Подпасков заметил чуть впереди троицу вчерашних «фэзэошников». Толстый тащил мешок, одухотворённый с синяками под глазами - вполне приличный чемодан. За ним телепала беременная девчонка с вещмешком. Идти ей было очень трудно.

- Семейкин, - максимально начальствующим тоном сказал Подпасков, - давайте этих... Ну беременную и этих двух... Подвезём.

Милиционеры догнали «фэзэошников». Длинный и нескладный постучал одухотворённого с синяками под глазами по плечу: «Парень, подожди». Троица остановилась. Девица при-

жала мешок к груди. Одухотворённый с синяками под глазами поставил чемодан на перрон. Выпрямившись, он несколько раз ударил длинного милиционера финкой, до этого спрятанной в сапоге. Длинный упал на перрон, а толстый «фэзэошник» со всего размаху ударил кастетом в лицо второго милиционера. Милиционер упал на колени. Беременная попыталась стянуть с плеча лежавшего на перроне милиционера ППШ.

Женщины вокруг завизжали, двое мужиков заматерились, многие попадали на перрон. Мальчишка с кошкой Дусей остался стоять. Защищая кошку, мальчишка сильно прижал её к груди, повернулся спиной к девице, почти стащившей ППШ с милицейского неудобно длинного плеча.

Кто-то грубо схватил Подпаскова «за грудки», с силой дёрнул на перрон. Падая, Подпасков увидел, как стоящий на коленях милиционер с разбитым в кровь лицом, стал медленно заваливаться влево, но при этом достал из кобуры наган. Не глядя он выпустил три пули куда-то в сторону толстого «фэзэошника» с кастетом и упал. Толстый осел на брусчатку перрона, словно у него вытащили позвоночник, по детски свернулся в клубок, подняв облачко пыли.

Подпаскова заслонил Семейкин с «ТТ» в руке. Как на учебных стрельбах, он выставил правую ногу вперёд, по направлению к цели так, что ноги оказались на ширине плеч, заложил левую руку за спину, поднял правую параллельно земле и поверх головы мальчишки с кошкой выстрелил беременной в голову. Он попал ей в лоб. Хрупкая, она отлетела, широко раскинув руки, на стенку вагона. Отрикошетила, упала лицом вниз. Из-за объёмного живота она не лежала, а неприлично стояла на коленях, уткнувшись лицом в перрон, покрытый брусчаткой. «Фэзэошник» с одухотворённым лицом и финкой в руках побежал вдоль вагона. Семейкин крикнул: «Стой, мудила, убью». Навстречу «фэзэошнику» уже бежал патруль: лейтенант с красной повязкой на которой белыми буквами было написано «комендатура» и два рядовых с карабинами. «Фэзэошник» остановился, бросил финку: «Сдаюсь». Рядовой из комендантского патруля широко размахнувшись, всадил приклад карабина прямо в пах «фэзэошника». Скрюченного, побагровевшего и уже совсем не одухотворённого «фэзэошника» потащили в линейный отдел милиции.

Люди начали вставать. Кто-то закричал: «Врача!». Семейкин помог Подпаскову подняться: «Я не сильно вас... Просто для безопасности...». Капитан опять чувствовал себя виноватым. От прикосновения к своему пальто Семейкина, только что застрелившего беременную, Подпаскова затошнило.

Рядом рыдал мальчишка в тюбетейке. Его обнимала мать с двумя вещмешками на спине. Кошка, испугавшись выстрелов, убежала, сильно подрав ребёнка руку.

- Как же она теперь без нас будет? - мальчишка обнял бледную мать. Подпасков отряхнулся, дал матери малыша относительно чистый носовой платок.

Из стоящего неподалёку переселенческого эшелона, того самого, возле которого до сих пор играл оркестр и произносились приветственные речи, пришёл врач. Он был в не очень белом халате, поверх которого болтался чёрный, не по размеру ватник. Из под ватника выглядывала зелёная сплюснутая сумка с красным крестом на белом круге. Первым врач осмотрел рыдающего мальчишку с окровавленной рукой. Дал его матери перевязочный пакет из сплюснутой сумки: «Сами справитесь?».

- А доктор найдёт нашу Дусю? - сквозь слёзы спросил маму мальчишка.

Доктор погладил малыша по голове и заспешил к сидящему на перроне милиционеру, получившему удар кастетом в голову. Померил пульс, заглянул в глаза: «Сейчас я вами займусь».

Затем врач перевернул длинного милиционера на спину, взял его за запястье. Отрицательно покачал головой. Кто-то положил фуражку длинного ему на лицо. Врач также осмотрел

толстого «фэзэошника» и беременную девицу. Он им уже ничем помочь не мог. Врач пощупал живот беременной, удивлённо поднял бровь: «Что-то у неё там...»

Возле переселенческого эшелона оркестр грянул гимн Советского Союза. Митинг закончился. Молоденький милиционер встал по стойке «смирно» и отдал честь трём сожжённым товарным вагонам, за которыми играл оркестр.

«Боже, боже, что же я наделал...» - мысль билась в замкнутом пространстве черепной коробки Подпаскова, больно ударяясь о стенки головы. Он сидел в «ленинской комнате» линейного отдела милиции на станции «Калининград-Южный». Его вежливо опросил народный следователь транспортной прокуратуры, молодой армянин, не выговаривающий букву «Р». Здесь же врач из переселенческого состава, сбросив чёрный ватник на покрытый бархатной красной скатертью стол президиума, менял повязку милиционеру, получившего удар кастетом в голову. Комната была украшена плакатами и портретом Сталина. За спиной Сталина развивался красный флаг. Он был точно такого же цвета, как и кровь, выступающая сквозь бинты на повязке раненного милиционера.

«Боже, божечки, что же я наделал...». Мысль больно ударила в темя, отрикошетила в затылок.

- Я начхозу говорил, - неожиданно громко сказал раненный милиционер, - дайте другую кобуру, эта расстёгивается туго...

Доктор принялся его успокаивать: «Не волнуйтесь, уважаемый, сейчас в госпиталь поедem... Сотрясение у вас...».

Пришёл Семейкин: «Товарищ Подпасков, поехали. Секретарь обкома ждёт». Подпасков покорно пошёл за Семейкиным.

«Опель» Семейкина был припаркован напротив готических ворот возле здания вокзала. Семейкин распахнул заднюю дверь, подождал, пока заторможенный Подпасков усядется.

Они ехали по проложенной среди развалин дороге. Подпасков смотрел на затылок Семейкина. Конечно, девица с автоматом на вокзале могла наделать много бед, но взять и вот так вот...

Подпасков почувствовал, что где-то глубоко внутри его родился ужасный вопрос, который Семейкину задавать никак нельзя. Подпасков сглотнул слюну, в надежде, что это как-то поможет. Это не помогло. Не помогли и плотно сжатые зубы. Вопрос вырвался из Подпаскова прямо в затылок Семейкину: «Скажите, Семейкин, а каково это... Убить беременную?...».

Семейкин притормозил, пропуская колонну красноармейцев. Раскрасневшиеся, в расстёгнутых на груди гимнастёрках, они шли из бани, не соблюдая строй.

- Да не была она беременной, - ответил Семейкин, - это старая эковская штука — повесить бабе на живот «горб», мешок с чем-то... На постах же одни мужики стоят, кто полезет беременную бабу щупать... А у этой в мешке деньги были. И удостоверения трёх липецких инкассаторов. Проститутка она. Вместе с этими двумя месяц назад сберкасса в Липецке ограбила. Людей убили. Мы уже с Липецком связались по спецтелеграфу. Подтверждают...

Семейкин повернулся лицом к Подпаскову, посмотрел тому прямо в глаза. Колонна распаренных и красных красноармейцев прошла.

- Это для них война кончилась, - Семейкин кивнул своей большой головой в сторону распаренной колонны помытых красноармейцев, - а нам ещё воевать и воевать...

Семейкин надавил на педаль газа. Они опаздывали. Их уже час ждал секретарь обкома.

На Турецком и Английском фронтах

Секретарь обкома («Читаем, читаем. Хлётко пишите!») напомнил Подпаскову панду, которую с благоговейным восторгом ему показали китайские товарищи во время его между-

народной командировки. Но если та китайская панда была мила, забавна и дружелюбна, то калининградская панда — секретарь была напряжённой, напуганной, больной. У обритого на лысо грузного секретаря в костюме и косоворотке под пиджаком, была неестественно жёлтая кожа и чёрные круги под глазами. Они и делали секретаря похожим на напряжённую, напуганную, больную панду.

- Добро пожаловать, - сказал секретарь-панда.

Они сели за красного дерева стол, вокруг которого стояли стулья с резными деревянными спинками, напоминавшими своды готического собора. На столе — пепельница, два стакана чая в металлических «железнодорожных» подстаканниках, сухарики в вазочке. Над столом — обязательный портрет Сталина. Калининградский Сталин напомнил Подпаскову Сталина из своего ужасного сна в поезде. Сталины были очень похожи.

- Здесь у фашистов финансовое управление всей Пруссии было, - поспешил объясниться секретарь, - они его специально под рыцарский замок построили. Ну и мебель соответствующая...

Подпасков кивнул головой, принимая объяснения.

- Наслышан о вашем поступке на вокзале, - В окно заглянуло солнце, пробившееся сквозь щели в тяжёлых бархатных шторах. Секретарь пожелтел ещё больше.

- И как вам только удалось этих бандитов в толпе разглядеть?! Большое вам наше калининградское партийное спасибо.

- За что? - удивился Подпасков.

- Как это за что? - панда-секретарь хитро улыбнулся, - благодаря вашим мужественным действиям обезврежена целая банда. Много бед могли натворить бандиты на новой советской земле, но благодаря...

- Давайте к делу, - как можно жёстче сказал Подпасков, а про себя подумал: «Что, жёлтый хрыч, у тебя в городе происходит?! Не успел я с поезда сойти, а уже в перестрелку попал! А ты теперь из меня, подхалим, героя делаешь?! Спасибо, что не посмертно!»

Секретарь подвинул Подпаскову тоненькую картонную папку: «Вот тут мы подготовили информацию... Цифры, факты...».

В голове Подпаскова сразу всплыл инструктаж, который главный редактор провёл с ним перед командировкой в Калининград. Главред сказал тогда, сильно постучав ребром ладони по своей переносице: «И заруби себе на носу, Подпасков! Местные товарищи будут тебе всякие там цифры и факты давать. Цифры и факты нам не нужны. Нам правда нужна!».

- Положение серьёзное, - секретарь-панда перешёл на шёпот.

Англия, Америка и Турция напали на СССР в Европе и на Чёрном море. Такой слух был зафиксирован месяц назад в разных городах и сёлах области. Изначально ему не придали значения. Слухи были всегда. Они умирали также быстро, как и рождались, оставляя о себе несколько строк в ежемесячной обкомовской «Справке о настроениях трудящихся в Калининградской области». Но со слухом о Третьей мировой сразу пошло что-то не так. Через несколько дней после обнаружения, слух успешно оброс «подробностями». Американцы уже приблизились к Архангельску и на днях бомбили Минск, где сбили 15 наших самолётов. Причём эти «уже» и «на днях» в основном теле слуха жили уже больше месяца.

Обком на слухи отреагировал. В города и посёлки области было направлено 57 агитаторов и пропагандистов из особой лекторской группы при обкоме партии. На помощь им пришли военные. По специальному приказу политотдела армии в трудовые коллективы были направлены политработники, выступившие с читками «О нерушимости границ великого Советского Союза». Усилия обкома не пропали даром. Теперь у старательно отлавливаемых и фиксируемых слухов о новой мировой войне появилась новая «подробность»: в СССР объявлена мобилизация, но тайная, чтобы не будоражить лишний раз население.

Но население уже было взбудоражено. Осведомители сигнализировали о вредных настояниях среди рабочих и служащих. Например, слесарь-такелажник Калининградской катушечной фабрики Хатов заявил начальнику цеха, отказавшемуся подписать слесарю наряд на новые ботинки: «Мы как рабы. Зарплата низкая, снабжение плохое. Вот придут американцы...». Жестянщик бондарно-тарного завода Дымченко, напившись в общежитии, как сказал об этом секретарь, «сделал выкрики»: «Скоро вы заплачете вместе со Сталиным. Ухожу к бендеровцам, буду бить вас всех. Коммунистическая партия – не партия трудящихся, а партия поработителей и угнетателей». Чернорабочая треста «Вторчермет» Щербакова на рынке говорила своей подруге Бекасовой: «Америка оказывает помощь колхозникам, но эта помощь до колхозников не доходит, всё достаётся руководителям».

Но хуже всего было «обратничество». Говоря об этом тревожном явлении, жёлтый секретарь сказал: «Провокационные слухи у некоторой части отсталых колхозников вызывают настроения как бы уехать из области на прежнее место жительства». И они уезжали. 37 переселенцев вместе с семьями уже покинули «непотопляемый советский авианосец», 62 написали заявления о возвращении переселенческих билетов. Из-за того, что 78 рабочих и служащих Трамвайного треста уехали обратно, был сорван пуск городского трамвая.

Жёлтый секретарь рассказывал о серьёзном положении подробно и невыносимо долго. Подпасков после событий на вокзале, когда весь его мозг был прошит напряжением и ужасом, вдруг смертельно захотел спать. Он тонул в длинных вязких фразах секретаря. Ему было всё равно. Равнодушие, перемешанное с усталостью, заполняло его всего без остатка.

В конце своего доклада жёлтый секретарь-панда вскользь упомянул: : «В колхозах и совхозах области виды на урожай пёстрые, у некоторой части колхозников породились настроения неуверенности в получении хорошего урожая». Помешав остывший чай ложечкой, секретарь заглянул в глаза Подпаскову и добавил: «В городах и колхозах области имеют место случаи хулиганства, воровства, что порождает слухи и настроения». Подумав, секретарь извиняясь сказал: «В область наехало много людей с целью личной наживы, поэтому часты случаи воровства и хулиганства... А после зимы бескоровность резко возросла...».

- Бескро... Простите, что?, - Подпасков вывалился из дрёмы.

- Бескоровность, - Секретарь не смог скрыть удивления: журналист из Москвы, а такого важного слова не знает. Секретарь терпеливо и косноязычно начал объяснять. Каждому переселенцу выдавались три тысячи рублей на покупку коровы. Это положение распространялась и на переселенцев в сельскую местность, и на горожан. В городе коров и свиней держали в подвалах домов и сарайчиках. А иногда и в квартирах.

- Произошла ситуация, - сказал секретарь, - когда переселенческая корова была обнаружена в кухне квартиры третьего этажа.

Первыми начали падать коровы в совхозах и колхозах. Их косила неизвестная ранее болезнь. В результате поголовье крупного рогатого скота в области сократилось на 50 процента. Это вызвало среди совхозников и колхозников слухи о вредительстве. А в колхозе «Гвардеец» на почве этих слухов местный пастух совершил террористическое нападение на директора колхоза.

А потом грянула зима. Многие из «окоровленных» горожан или забили своих коров, или продали их. В результате такой важный показатель работы руководства области как «бескоровность населения» вырос на 48 процентов. Что сильно беспокоило секретаря. Секретарь закончил, замолчал.

Подпасков открыл паку, взял желтоватый, под цвет кожи секретаря, листок с машинописным текстом, побежал по нему глазами. Первый случай вредоносного действия слуха о Третьей мировой войне был зафиксирован в районе пограничного местечка Пилькснау. На границе с Польшей была облава на контрабандистов. Военные и милиционеры при задержании

часто палили в небо. Услышав выстрелы, конюх колхоза «Красный юнга» Мирон Колодянко погрузил всё своё не объёмное и не тяжёлое имущество на телегу, посадил жену с восьмилетней дочерью, и «побежал от войны». Его остановили возле самой границы. И здесь милиционерам пришлось стрелять в воздух. Колодянко под конвоем вернули в колхоз. К этому моменту ещё три переселенческие семьи последовали его примеру. При этом бригадир косцов колхоза Рудди Остбахер бежал за телегами и кричал отъезжающим: «Далеко не убежите, суки, это вам не рамы в наших домах выламывать!». И что-то на немецком.

Прочитав, Подпасков сказал секретарю: «Ну вот мы и начнём с индивидуальной беседы с неосознательным товарищем Колодянко...». Подпаскову нужен был самый первый зафиксированный случай вредоносного действия слуха о Третьей мировой. Первый зафиксированный носитель был наиболее ближе к источнику, из которого слух о Третьей мировой войне полез по городам и весям Калининградской области.

Прощаясь, секретарь сказал Подпаскову: «Хорошо, что вас будет сопровождать капитан Семейкин. Надёжный человек. Недавно раскрыл важное политическое преступление».

Подпасков подумал: «Ага. И будет этот надёжный стучать тебе о каждом моём шаге». Секретарь осторожно, стараясь не повредить, несколько раз встряхнул руку Подпаскова.

Иов

Подпасков вышел из здания обкома, ещё не так давно бывшего финансовым управлением всей Восточной Пруссии. Здание было построено в тридцатые, в модной тогда стилистике северо-германской готики. Красная доска с надписью «Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) Калининградский областной комитет» смотрелась неуместной на коричневой стене здания с красной черепичной крышей и напоминающего средневековый замок. Подпасков подумал: «А ведь ещё совсем недавно на табличке было написано «Кёнигсбергский областной комитет...».

Семейкин сидел на подножке своего «опеля», курил. Увидев Подпаскова, Семейкин встал и распахнул заднюю дверь. Подпасков почувствовал себя неловко: «Да курите, Семейкин, курите».

Подпасков плюхнулся на заднее сидение, оставив ноги на улице, подставил бледное московское лицо балтийскому солнцу.

«Что за важное политическое преступление вы раскрыли, Семейкин?», - спросил Подпасков.

Семейкин улыбнулся то ли заходящему солнцу, то ли Подпаскову, начал рассказывать.

Две недели назад пришедший на работу повар управления по гражданским делам Недосекин обнаружил пропажу вчера приготовленных пирожных на 10 000 рублей. Вначале заподозрили самого повара. Расследование показало, что на днях он встретил земляка и устроил в чайной, как было сказано в позже составленном протоколе, «обед с выпивкой водки». Дружеский обед закончился дракой. Дерущихся, разбивших шесть стаканов, один графин и восемь тарелок, задержали посетители чайной и прибежавший на крики постовой милиционер Кудашев. При задержании у повара нашли 300 рублей. Повара начали «колоть». Повар дал признательные показания.

Но капитан роты охраны особо важных объектов государственной власти Семейкин нашёл настоящих преступников. Ими оказались школьники, «сыновья полков», учившиеся в школе №1. Они пролезли в столовую по вентиляционным трубам. У одного из «сыновей...» был большой опыт — в Сталинграде он на себе таскал по вентиляционным и канализационным трубам боеприпасы на позиции. Именно по этим трубам пацаны и вытащили из столовой почти 547 пирожных. Почти, потому что «сын полка», награждённый, между прочим, боевым орденом за Сталинград, слопал десяток этих пирожных прямо на месте преступления. В резуль-

тате во время последнего рейса «сын полка» застрял в вентиляционной шахте. Ему пришлось возвращаться обратно, в столовую, где он разделся до нага, обмазал сливочным маслом тело с раздувшимся животом и в таком виде вылез на свободу...

- Как же вы их нашли, Семейкин?, - спросил жмурящийся солнцу Подпасков.

Семейкин широко улыбнулся, опять показав миру три отсутствующих зуба: «Да случайно».

У Семейкина был хронический гастрит. Гастрит он «заработал» ещё во время службы в ВОХРе Ярославля. В Калининграде во время обострений Семейкин ходил в Областную больницу, где санитаром работал Отто-Вильгельм Браун, в прошлом — профессор медицины. При нацистах профессор занимал пост в местном отделении «Немецких врачей», поэтому на работу его взяли только санитаром. Что не мешало ему консультировать советских и немецких хирургов. Ну и лечить в «частном порядке» представителей новой власти. В частности — капитана Семейкина. Санитар — профессор и рассказал Семейкину, что в больницу поступили пять школьников с сильным пищевым отравлением. Дело в том, что желудки пацанов, напиготовленные пирожными, не выдержали, и мальчишек отвезли в больницу. Один, которому было совсем худо, честно рассказал профессору — санитару, срочно вызванному для консультации, что он объелся пирожными.

Повара отпустили, а мальчишек, после выписки из больницы, «пропесочили» на комсомольских и пионерских собраниях. Судить пацанов не стали — у многих были боевые ордена, медали и нашивки за ранения...

- Слушайте, Семейкин, - Несмотря на усталость и ужас прожитого дня, мозг Подпаскова быстро переработал детектив с пирожными и обнаружил несоответствие, - А что же в этой истории политического? Обыкновенная уголовщина с голодухи...

Семейкин улыбнулся, виновато постучал носком ботинка по шинам «Опеля»: «Пирожные для участников партконференции предназначались. Сразу подумали — провокация. Мол, пока трудящиеся чёрного хлеба себе купить не могут, руководство пирожные трескает...».

Капитан понял, что сказал что-то не то, но было поздно. Подпасков пристально посмотрел на Семейкина. Семейкин, сморщившись, схватил в ящичке для перчаток тряпку, начал протирать зеркало заднего вида.

- А что, Семейкин, доктор этот ваш, профессор, действительно хорош? - Подпасков положил руку на свой живот, слева. Там время от времени, пока не сильно, но что-то покалывало и тянуло.

- Был хорош, - Семейкин обрадовался, что Подпасков не стал задавать неприятные вопросы по поводу партийный пирожных. - Выяснилось, что он при фашистах с лекциями выступал. Научно доказывал превосходство арийской нации. 5 лет ему дали...

Семейкин раздавил каблуком брошенный на брусчатку окурочек: «Поедем в гостиницу?».

В Москве Подпаскову посоветовали остановиться в кёнигсбергской гостинице №1.

Гостиница №1 располагалась в районе Амалиеннау, не так сильно пострадавшем во время штурма. В некоторых домах не было стёкол, у некоторых сгорела крыша. Не больше четырёх этажей, под красными черепичными крышами, с балкончиками, эркерами, пилястрами, даже в таком обугленном виде в них легко читалась милая эклектичная европейская архитектура конца 19 века. Подпасков вспомнил, как в детстве отец подарил ему книгу сказок Ганса Христиана Андерсена. На обложке книги были нарисованы точно такие сказочные домики, стоящие точно на такой же брусчатой мостовой. Только на обложке книжки по мостовой маршировал весёлый солдат в красном мундире и кивере на голове с принцессой в белом платье, которую он держал под мышкой, а здесь возле одного из домиков угрожающе рычал заведённый штабной броневичёк БАШ-64 с красной звездой на борту.

Маленький Саша Подпасков часто представлял себя героем этих сказок. Сильным, красивым, благородным. Сказка должна была быть обязательно со счастливым концом. Наиболее

распространённым в грёзах маленького Саши Подпаскова был счастливый конец, в котором он спасал дочь кочегара веснушчатую Машку, проживающую в квартире «уплотнённого» горного инженера.

Гостиница №1 располагалась в одном из таких милых домиков. Попрощавшись с Семейкиным, Подпасков толкнул тяжёлую резную дверь. Стены гостиницы были облицованы дубовыми панелями, две лестницы с резными витыми деревянными перилами ввели на верх. Даже потолок, с которого свисала вся в стеклянных висюльках люстра, был закрыт тёмными деревянными панелями. Под лестницей, отгороженная от окружающей действительности деревянной стойкой, сидела толстая администраторша. На стойке стояла чернильница с перьевой ручкой, лежали бланки заявок на поселение, стоял чайник с кипячёной водой. Рядом со стойкой на стене был приклеен небольшой плакат, отпечатанный типографским способом:

« Калининградскому Трамвайному тресту срочно требуются на работу рабочие ИТР и служащие следующих специальностей : кузнецы, бухгалтеры, инженеры и техники строители, инженеры-механики, инженеры-электрики, инженеры-путейцы, слесари, шоферы, автослесари, токари, электромонтёры, электрослесари, столяры, плотники, каменщики, маляры, кондукторы, вагоновожатые, газосварщики, электросварщики, нарядчики, начётчики, десятники, кладовщики, кассиры, табельщики, нормировщики, билетные контролёры, нормировщики, вахтёры, секретарь-машинистка, рабочие подсобного хозяйства.

Поступающим на работу выплачиваются подъёмные, предоставляется жилплощадь; зарплата по соглашению.

Обращаться по адресу: ул. Огарёва, №31 (бывшая Оттокариштрассе) Отдел кадров ».

Перед стойкой стоял маленький гражданин, трогательно прижимавший к своему засаленному пиджачку брезентовый портфельчик.

- Девушка, - умолял человек с портфельчиком толстую администраторшу, - а кто знает? Мне завтра у них надо быть, а где этот самый Полесск находится — никто не знает...

- Мужчина, - администраторша была раздражена, - вы мне старое название скажите. Немецкое...

- Вы что, издеваетесь?! - от возмущения мужчина ещё сильнее прижал портфельчик к своей груди, - у кого не спросишь, всё одно и тоже твердят: старое название скажите!

Из комнатёнки за спиной администраторши, из-за приоткрытой деревянной двери с резными ангелочками, донёлся звон пустых бутылок. Администраторша развернулась насколько позволял её мощный торс и крикнула резным ангелочкам: «Маша! Ты не знаешь, где у нас этот , как его ... Полесск?!»

Звон прекратился, Маша задумалась. Потом спросила ещё у кого-то. Мужской сиплый голос, начал ей что-то объяснять. Потом Маша крикнула: «В Лабиау пусть едет! Неделю назад переименовали!». Звон возобновился.

- Лабиау! - администраторша оживилась и начала на испорченном бланке заявки на проживание чертить схему, макая жёсткую ручку с пером «Kcurr» в чернильницу, - Это просто. Вначале по Сталинградскому проспекту до Палаческой площади, потом мимо гаража Гестапо до замка по Королевской улице. Потом на улицу 10 апреля через Васильково до Нойхаузена, а там прямо через Наутцен в Лабиау. Ну то есть в Полесск ваш...

Посветлевший мужчина с портфельчиком жизнерадостно затопал кирзовыми сапогами по деревянной лестнице, бросив администраторше: «Ой, спасибо милая!».

Внимательно изучив все предъявленные Подпасковым документы, администраторша поинтересовалась: «Портфель на хранение сдавать будете? Во сколько оцениваете?».

Подпасков портфель на хранение сдавать не стал. Администраторша пожала плечами. Появилась старуха-коридорная в синем рабочем халате. Она проводила Подпаскова до номера №13. Статус Подпаскова и место его работы исключали всякую возможность просить другой номер только потому, что ему не нравилась цифра «13». Подпаскову цифра «13» не нравилась. Особенно после того, как его встретил этот странный и полный опасностей город.

Перед дверью номера старуха долго искала ключи. Не найдя их она открыла номер короткой вязальной спицей. Номер был трёхместным. На кроватях не было одеял. У железной кровати у окна были выломаны спицы в изголовье, панцирная сетка заметно провисла. Подпасков увидел, как из другой кровати, деревянной, облезло расписанной когда-то цветочками, торчала пружина. Заметив взгляд Подпаскова, старуха сообщила постояльцу, что одеяла увезли в прожарку.

- Опять в прожарку?! Вчера же увозили! Что, вчера недожарили?! - на пороге номера стоял тот самый мужичок с брезентовым портфельчиком. На сей раз он прижимал к груди бутылку водки. За его спиной стоял красавец капитан инженерных войск. Капитан держал в руках полбуханки чёрного хлеба, банку консервов без этикетки и промасленный свёрток, из которого на мозаичный пол коридора капал жир.

«Соседи», - догадался Подпасков.

- Стало быть, недожарили, милоч... - старуха повела Подпаскова показывать ему туалет, он же ванная.

Раковины в туалете — ванной не было. Была ванна, стоящая на кафельном полу на металлических ножках, отлитых в форме звериных лап.

- Вот тут у нас и умываются, и стираются, и так далее. А ковшиком поливаются, когда моются. - объяснила Подпаскову старушка. Ковшика нигде не было. Вода из крана не текла.

- Ну может ковшик клиент какой взял, чайку попить, - объяснила Подпаскову старуха, - вы не расстраивайтесь, вы из бачка хлебоните да и плесните себе на руки...

На ручке унитаза было написано «ziehen» (тянуть) и стрелкой было указано направление, куда надо было тянуть. Тянуть надо было вниз. Старуха ушла.

Вернувшись в номер, Подпасков увидел, как мужичок, оказавшийся экспедитором «Все-союззаготрыбы» укладывал под подушку портфельчик, пиджак, портянки и сапоги.

- Что это вы делаете? - поинтересовался Подпасков.

- А то, - ответил вместо мужичка военный, - что и вам советую сделать. Тут уж не один случай был. А на днях какой-то постоялец увёз с собой все ключи. В том числе и от камеры хранения...

- Вы если гулять пойдёте, - вмешался в разговор мужичок-экспедитор, - после 10 вечера можете и не стучаться — не откроют. Но там, метра четыре влево от парадной двери, есть дверь во двор, а в нём дверь в гостиницу. Она всегда открыта...

- И жаловаться директору не вздумайте, - военный зубами снял с бутылки пробку- «бескозырку», плюнул ею в открытое окно, - он всегда пьян.

- Да никогда он пьян не бывает, - старуха-коридорная без стука ввалилась в номер с охапкой одеял, - так... не много выпивши... А кто в Калининграде не пьёт?

- Только Шиллер, - весело ответил старухе мужичок. - Потому что у него из горла всё вытекает!

Старуха хихикнула, военный усмехнулся понятной только местным шутке. Подпасков вспомнил, как Семейкин, отъезжая от обкома партии, показал ему памятник Шиллеру. Во время боёв снаряд пробил великому немецкому поэту горло на вылет.

Одеяла положили проветриваться возле открытого окна. Военный разлил водку в три металлических складывающихся стаканчика, открыл консервы, развернул промасленный свёрток. В свёртке лежали два жирных селёдочных труп. Оба с открытыми от предсмертного ужаса ртами.

Военный предложил отужинать. Подпасков вспомнил, что целый день ничего не ел. Он вложился в общий стол сделанными ещё в Москве бутербродами с потвердевшим сыром и тремя варёными посиневшими яйцами. Яйца ещё не пахли.

Выпили, закусили. Вторая — за знакомство. Потом выпили за тех, кто не дожил. Потом за Победу. Потом — за... Потом просто выпили. Потом достали ещё одну бутылку.

Военный оказался прикомандированным к седьмой трофейной бригаде. Подпасков, представляясь своим соседям, развёл руками: «Полиграфия». Это скучное слово всегда избавляло его от расспросов.

Водка тёплой ватой расплзлась по телу. Подпасков почувствовал себя в безопасности. Пьяный военный заговорил о наблевшем: «Сдают всякую хрень. Поломанные велосипеды и шкафы без дверей уже некуда ставить. Есть же чёткий приказ начальника округа. В первую очередь — оборудование и документация заводов и фабрик. Потом — транспорт, велосипеды и пишущие машинки. Я в бригаде за пишущие машинки отвечаю. Ответственнойшая должность, доложу я вам. За четыре месяца пятеро ответственных за это направление сменились. Один — под арестом»

Военный руками вытащил из зубов застрявшую селёдочную кость, продолжил: «Вот мы тут новую власть устанавливаем. А что такое власть без пишущих машинок? Это как безногий танцор. Или немой певец. Что-то поёт, а что именно — не слышно. Пишущие машинки, доложу я вам, это аппараты государственной важности. И аппаратов этих в новой нашей области катастрофически не хватает. Особенно с русскими буквами. В результате — вот что получается...»

Военный встал, ухватился пальцами за стол, сгруппировался. Опираясь жирной ладонью о стену, дошёл до своей кровати. Стена была оклеена зелёными обоями. На обоях одинаковые многочисленные охотники в шляпах с перьями стреляли в одинаковых многочисленных фазанов. Подпасков посмотрел на оставленные на стене капитаном- трофейщиком отпечатки ладони, прищурился. В одном месте получилось, что охотники стреляют в громадное бесформенное чудовище, двумя лапами ухватившее фазана за хвост. Подпасков хихикнул.

- Ничего смешного. - отреагировал капитан - трофейщик. Он достал из своего планшета под подушкой лист бумаги, который уважительно держал двумя пальцами за уголок: «Вот!»

Бумага легла на стол между бутылкой водки и горкой яичной скорлупы. Это был секретный приказ начальника штаба управления военного коменданта города. Человек, напечатавший этот приказ, заменил в тексте букву «С» цифрой «6». Видимо, буква «С» по каким-то причинам не печаталась. В результате текст секретного приказа выглядел так:

«Начальникам отделов, блужб и групп
бекретно.

На обновании директивы военного бовета фронта и банитарного управления в виду ряда заболеваний: брюшными, кишечными и желудочными, в целях предохранения вбего личного бобтава Управления военной комендатуры г. Кёнигбберга военный комендант города Кёнигбберга Генерал майор бмирнов

ПРИКАЗАЛ:

1. Начальникам отделов, блужб и групп обебпечить полной явкой вебь личный бобтав в банчабть Управлен. Воен. Комендатуры бо бпибками прилагаемой формы, временем б 9 до 14 и 16.00 для прививки против указанных выше заболеваний.

2. Начальнику банблужбы майору м/6 Яковлеву донебти мне б нарочными до 16.00 5.04 бего года о выполнении приказа.».

- Воот!, - Военный ткнул пальцем в приказ, - А вы говорите! Начальник санслужбы и отчитался о выполнении приказа, прислав шесть нарочных! Шесть!

Мужичок из «Заготрыбы» с уважением взял в руки секретную бумагу: «До переименования отдавали...».

Подпасков почувствовал, что больше не может. Усталость и водка добили его окончательно. Он махнул рукой, доковылял до одеял на подоконнике, взял то, которое сверху. Одеяло пахло противогоздом, который Подпаскову под роспись выдали зимой 41. Тогда немец стоял под Москвой. Химический «противогоздный» запах вызывал у Подпаскова страх. Страх перед будущим, которое не сулит ничего хорошего. Но при этом что именно плохого судит будущее — неизвестно.

Подпасков слишком устал. Он завернулся в одеяло на своей кровати и почувствовал, как погружается в сон. Где-то на стыке между сном и пьяным не сном, он услышал, как военный, солировавший за столом, на котором появилась ещё одна бутылка водки, жаловался заснувшему на стуле мужичку из «Заготрыбы»: «А эти, бля, культурные ценности?! Я откуда знаю, что как и какой век. Мне принесли картины — я их отсортировал. Красивые в одну корзину, некрасивые — в другую. А доску, на которой какой-то толстый фашист нарисован, приспособил под разделочную. Ну там...сальца нарезать... А тут приходит полковник из политотдела. Умненький такой. И сразу орать на меня: Что вы себе позволяете? Это же портрет Лютера! Сам Кранах-младший рисовал, нах... А сам этого Кранаха, нах, схватил и потащил к себе в кабинетик...И не посмотрел, что младший, нах...»

Подпасков проснулся среди ночи. Рядом с ним, спавшем на кровати возле самой двери в номер, кто-то громко и страшно сопел. Подпаскову не хотелось открывать глаза. Он заставил себя сделать это. В проходе между кроватями стояла старуха - коридорная. Из открытого окна на неё падал лунный свет. Согнувшаяся, она походила на жабу. Старуха - жаба - коридорная смотрела прямо в лицо спящему мужичку из «Заготрыбы» и громко сопела. Неожиданно она фыркнула мужичку прямо в лицо. Мужичок тревожно дёрнулся и затих. Старуха — жаба перешла к железной кровати у окна, на которой разметался военный. Также тревожно сопя, она приблизила своё изъеденное морщинами лицо к лицу причмокивающего во сне военного. Что-то увидев на лице спящего, она кивнула головой, набрала в лёгкие воздуха, фыркнула. Военный дёрнулся и затих. Подпаскову стало страшно. Старуха подняла голову и посмотрела Подпаскову в глаза. Она видела, что он не спит и смотрит на неё. Старуха улыбнулась, перелезла через не шевелящегося военного и пошла к Подпаскову, протянув к нему руки. Подпасков закричал, но его крик не вырвался наружу. Крик, который никто не мог услышать, метался внутри Подпаскова. Подпасков скинул одеяло и хотел побежать к двери. Бежать он не мог. Ноги прилипали к полу. Старуха хихикнула. Она отрезала ему путь к двери. Весь мокрый от пота, он начал переставлять свои ноги, помогая им руками, в направлении окна. Старуха почти догнала его. Подпасков перевалился через мраморный подоконник и полетел вниз.

Он давно уже должен был упасть на землю. Однако всё летел и летел. Падая, Подпасков перевернулся и посмотрел вверх. Гостиницы, стоящей на краю обрыва, не было видно. Подпасков посмотрел вниз. Навстречу ему быстро приближалась гладь моря. Подпасков больно ударился о море грудью. Несколько секунд он не мог дышать, погрузившись в вязкую тёмную воду. Подпасков стал грести к поверхности. Когда до поверхности и воздуха оставался всего один гребок, он столкнулся со старухой. Старуха в своём сером рабочем халате выплыла из темноты. Полы серого халата под водой колыхались, как плавники. Вместо человеческой головы у старухи были две селёдочные. Одна из голов разинула пасть и попыталась проглотить Подпаскова. Подпасков упёрся руками в скользкое рыбье нёбо. Руки скользили, проваливаясь всё ближе к тёмной дыре рыбьей глотки. Подпасков почувствовал, как вторая селёдочная голова вцепилась своими мелкими зубами в его левое плечо.

- Александр Сергеевич! Ну просыпайтесь же... - Семейкин тряс его, взяв своими железными пальцами за левое плечо. Мокрый от пота, Подпасков сел на кровати. На прикроватном столике валялась его майка.

- Ух ты, - Семейкин согнувшись рассматривал торс Подпаскова, - обо что это вы так грудью ударились?

Подпасков скосил глаза вниз. На груди красовался синяк, словно вытекающий из опухшего левого соска. Подпасков чуть не сказал Семейкину: «Это я о море так, Семейкин», но вовремя остановился.

- Это я ещё в Москве, перед самым отъездом, - солгал Подпасков. Ему очень хотелось пить.

- Собирайтесь, ехать пора, - виновато развёл руками Семейкин.

Натягивая брюки, Подпасков якобы случайно задел кровать с не шевелящимся и непонятно, дышащим ли, служащим «Всесоюззаготрыбы». Служащий недовольно перевернулся с живота на спину. Живой.

Выходя из номера, Подпасков и Семейкин столкнулись со старухой - коридорной.казалось, ведьма стояла под дверью, карауля постояльцев. Подпасков, наткнувшись на взгляд старухи, опустил глаза.

- Чего это ты на меня уставился, милоч, - старуха хихикнула точно так, как она хихикала во сне, - смотрит, словно у меня...

Старуха заглянула в комнату, увидела на столе валяющиеся со вчерашнего вечера две селедочные головы.

- Словно у меня вместо головы селедки глаза выпучили! - снова захихикала ведьма. Подпасков громко икнул и пошёл за Семейкиным вниз по лестнице. Он вспомнил, что вчера видел рядом с толстой администраторшей пузатый чайник с кипячённой водой и кружкой на цепи, один конец которой был вмонтирован в стену.

- А бабуля то, ну эта... коридорная. На жабу похожа - сказал Семейкин, когда они вышли из гостиницы. Подпасков промолчал.

Завтракали они в Чайной №1 Калининградского рыболовного потребительского общества.

- Это хорошая чайная, - Сказал Подпаскову Семейкин, - чисто и готовят вкусно.

Подпасков есть не хотел. Он взял три стакана чая и бутерброд. Семейкин — три бутерброда и стакан чая. Они сели за столик, над которым висел плакат:

ТРЕБУЙТЕ ВСЮДУ

в ресторанах, столовых, закусочных, барах, кафе, буфетах, ларьках

Пиво

бутылочное и разливное

Калининградского **пивоваренного завода №1**

жигулёвское,

рижское,

московское,

карамельное;

Безалкогольные напитки:

Вишнёвый, лимонный, крем-сода, сироп

Преимущественный отпуск пива и безалкогольных напитков для праздничной торговли — организациям, подавшим заявки до 1 ноября с.г.

- Меня тут включили в комиссию по общепиту, - не унимался Семейкин, - мы их проверили. План на 138 процентов выполняют...

- Вы бы, товарищ, столовую вагонзавода проверили... - неприятный длинноносый мужчина в чёрном морском бушлате пил за соседним столом пиво.

- А вы бы, товарищ, в чужие разговоры не вмешивались, - Семейкин угрожающе откусил половину бутерброда с ливерной колбасой.

- Подождите, Семейкин, - вмешался Подпасков, вспомнив, что он журналист центрального издания, - а что там, в этой столовой?

- А там, уважаемый товарищ, - мужчина в бушлате глотнул пива, оставив на кончике красного носа пивную пену, - вода с потолка капает прямо в котёл, входная дверь выбита, и сидеть не на чём. А про ложки, чашки и тарелки, я уже не говорю...

- А как же вы кушаете? - Подпасков выпил сразу полстакана остывшего чая.

-А стоя кушаем, уважаемый товарищ. А ложки с собой носим. Кто в сапоге, кто в кармане... - мужчина двумя скрюченными пальцами с ввевшейся в кожу «технической» грязью смахнул пену с носа, вытер палец о край кружки и сделал добрый, на полкружки глоток, - а кашу нам дают или пригорелую, или недоваренную... Сырой водой разбавляют. На такой каше много с американцами не на воюешь...

Подпасков поперхнулся чаем, Семейкин перестал жевать.

- А почему, товарищ, вы решили, что... - Подпасков старался не спугнуть неприятного мужчину.

- Да ты что, - пьяный неприятный мужчина в бушлате перешёл на «ты», - газет не читаешь?! Не сегодня — завтра начнётся.

У мужчины были жёлтые под цвет пива белки глаз. Мужчина понизил голос и доверительно шепнул Подпаскову: «Хотя весь город говорит, что уже. Уже всё опять и началось. Только нам пока не говорят. Хоть бы раз правду вовремя сказали. Выпивать будете? Вижу, вам, уважаемый, надо после вчерашнего».

В подтверждение серьёзности своего предложения мужчина распахнул полу бушлата. Из внутреннего кармана игриво торчало горлышко бутылки водки. Подпаскова затошнило. Семейкин схватил Подпаскова под мышки и вытащил на свежий воздух. Подпаскова вырвало прямо на красную кирпичную стену, на которой готикой было написано по-немецки: «Wir kapitulieren Nie!» («Мы не сдадимся!»).

Чтобы разрядить неловкое молчание, Семейкин, дипломатично изучая надпись на стене, сказал: «Пренебрегают у нас вкусовыми качествами питания некоторые работники рабочих столовых...».

Когда они вернулись в чайную, мужчины в бушлате за столом не было. Официантка Раечка, сказала, что мужчина только что ушёл, не допив пива. И что Семейкин и Подпасков должны были с ним столкнуться в дверях. На столе осталась наполовину не допитая кружка пива. По её стенке стекала пена, снятая незнакомцем грязным пальцем со своего длинного носа.

На улице Семейкин распахнул перед Подпасковым заднюю дверь «опеля».

Подпасков спросил: «Как вас по имени-отчеству, Семейкин?»

Семейкина звали Андреем Николаевичем. Подпасков сел на переднее сидение: «Поехали, Андрей Николаевич». До колхоза «Красный юнга» было часа три езды по «берлинке», автобану №1 Кёнигсберг — Любек.

Три виселицы

Правление «Красного юнга» было расположено в здании управления бывшего немецкого конезавода. Перед входом в правление стоял памятник коню. Подпасков нагнулся, пытаясь хоть что-то понять из немецкой надписи на латунной табличке на мраморном постаменте.

- Это памятник немецкому коню, - к двум приехавшим из центра товарищам подошёл чисто одетый мужчина в военной форме без знаков отличия и жилете «мехом во внутрь».

Вместо правой руки из рукава гимнастёрки мужчины торчала отлитая из пластмассы чёрная рука с согнутыми в кулак пальцами.

- Украдыхин Хаврила Петрович, председатель. - представился мужчина и пожал левой рукой протянутые правые Семейкина и Подпаскова. Извиняясь, Украдыхин объяснил, что он здесь на должности недавно, и что из района о визите Подпаскова его предупредили только сегодня утром. Мирон Колодянко, дезертир и паникёр, пытавшийся убежать от Третьей мировой войны, находился на дальней ферме. За ним, как сказал Гаврила Петрович, «за Колодянкой», уже послали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.